

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Дядя Ваня

Миша впервые очутился в общественной бане, чувствовал себя неуютно, прикрывался то мочалкой, то руками, то тазиком пластмассовым.

— Чё сцышься, как баба? — дядя Ваня сверкнул золотым зубом, оскалился с прищуром. — Червяка помой.

Они сидели на мраморной лавке, замачивали веники перед заходом в преисподнюю. Миша понурил голову, и без того короткий писюн скукожился до двух сантиметров, мошонка втянулась и прилипла к лобку. В чёрных курчавых зарослях под округлым животиком мужские гениталии едва пробивались наружу.

— Если мыло уронишь, смотри, чтоб сзади никого не было, — подливал масла в огонь дядя Ваня. — Задница у тебя красивая. В жопу вжик — и больше не мужик. Понял?

— Да, — Миша залился краской, опуская глаза.

Он поэтому и не хотел идти в баню, стеснялся рыхлой фигуры, детских гениталий. Но мама настояла:

— Слушайся дядю Ваню, — она осматривала сына-тюфяка, впервые критично поджимая губы. — Может, хоть мужчиной станешь.

— Хорошо, — он кивнул, представляя, как станет мужчиной благодаря дяде Ване.

Авторитет последнего не вызывал сомнений. Поджарый жилистый мужчина, рослый, с острым носом, тонкими губами, водянисто бледными серыми глазами, поселился у Космылёвых полгода назад, быстро навёл порядки, поставил зарвавшуюся сестрёнку на место, пропесочил директора школы, где учился Миша, даже в продуктовом засветился. Охрана магазина тут же смекнула, что новый хахаль Лидки-перегонщицы — не хухры-мухры. Что отныне она — Лидия, Людочка, но никак не Лидка. И уж тем более инцидент с перегонном водки в коньяк следует подзабыть. В общем, дядя Ваня всем «вставил по самые помидоры», как выразилась бабушка Лена — Елена Павловна, заехавшая к Космылёвым в гости через пару месяцев после начала сожителства.

Мама вывалила любовь на стол: так мол и так, дети мои, люблю я его. Не будете мне помогать, сопьюсь, сгуляюсь. Миша с Ниной сидели за столом, ужинали, когда это случилось.

— И чё теперь? Он будет у нас жить? — Нина первая вышла из летаргического сна.

— Ну поживёт пока, а потом посмотрим, — мама искала поддержки в глазах детей.

Виноватым взглядом нащупывала зачатки понимания. Мишка ещё ребёнок, восемнадцать лет, молоко на губах. Нецелованный обалдуй. У Нинки тоже ветер в голове, танцы-шманцы.

Лидия, закусив нижнюю губу, ожидала приговор. Ужин из морепродуктов удался на славу, даже Нинка со своим кулинарным удивлённо причмокнула губами.

— Ну лично я не против, — Мишка первый выразил согласие. Мама без мужчины сходила с ума. Ненормально так женщине жить без любви, возмущался он, замечая за родительницей резкие перепады настроения. Как она красится часами, чтобы выйти куда-нибудь, как потом с сомнением переспрашивает, может юбка не в цвет с кофточкой. Нинка тоже хмыкнула с улыбочкой, застрявшей на губах:

— В трусах теперь не походишь по квартире, — вздохнула обречённо.

— Ваня работает на заводе, — спохватилась Лидия. — Рано уходит, поздно приходит. Вы его почти не будете видеть.

Миша с Ниной только дядю Ваню и видели. Мужик в доме быстро построил детей, незаметно сломил волю к сопротивлению. Особенно Нина поначалу мохнатила пёрышки, не хотела ни в какую «слушаться дядю». Всё крутила хвостом и так, и этак. Только дядя Ваня не промах. Быстро пообломал девичий пыл. Через два месяца отпрыски любовницы ходили по струнке. В баню Мишу загнали чуть ли не ногой — так он не хотел оголяться на публику. Дядя Ваня устроил общественную порку в кругу семьи:

— Кто в баню не ходит, тому есть что скрывать, — величаво объявил он за обеденным столом в субботу. Пару рюмок знаменитого коньяка уже были опрокинуты, настроение у мамы с папой поддатое. Женская половина захихикала, поглядывая на Мишку-топтыжку. Пришёл час расплаты.

— В баню не ходят только пидоры, потому что у них член встаёт на жопу мужскую, и бабы, похожие на пацанов, потому что у них уже ничего не встаёт. Такие бабы должны ходить с бабами, — не унимался дядя Ваня. Он медленно прополоскал рот очередной рюмкой коньяка, так удачно согнанного Людкой-перегонщицей, и подмигнул Нинке, сидевшей по правую руку, которая особенно бурно реагировала на унижения брата.

— Правда, Миша, сходи, — подключилась мама. — Ничего ведь страшного нет. Протруси задницу, погреешься на лавочке.

И вот он греется на лавочке в преисподней. Дядя Ваня положил пасынка на верхнюю полку, прохаживается берёзовым веником по рыхлому девичьему телу.

— Ишь какие булки отъел! — мамкин хахаль хлещет Мишу по ягодицам. Народ в парилке угораёт.

— Согнать, согнать весь жир! — кряхтит высушенный до костей беззубый дед, слинявший в угол, чтобы не сгореть.

— Правильно, кто в баню не ходит, тот долго не живёт, — подключается сердобольный мужик с огромным пузом.

— Он же сцыкло! — возбуждённо ревет дядя Ваня. — А ну, перевернись, — силой куляет Мишу на спину. — С таким червяком бабу не трахнешь, — заливается грубым смехом.

Все участливо пялятся на Мишин пах — мохнатую тушку с прыщиком кожи. Миша накрывает пенис ладонями.

— Да ты покажи! Не стесняйся, что у тебя там? — дядя Миша силой отнимает руки. — Не ну как с таким хуем бабу трахнуть, а? Кто мне скажет?

Все смеются, отводят глаза.

Дяде Ване нечего стесняться. Его конский хер болтается сарделиной на полкилометра. Фиолетовая толстая вена собирает отток крови, обогатившей плоть. Оголённая залупа колышется у самого рта. Миша пугливо отворачивает голову. Яйца дяди Вани — тяжёлые шары, провисшие на пять сантиметров, болтаются в такт с движениями. Дядя Ваня вырезан из красного дерева, вытесан из скалы. Мышцы играют на теле, как послушные пружины. Он сам похож на Кощея бессмертного в молодости — такой же грозный и страшный. Золотой зуб, нос крючком и глаза-свечки. Резкие сутуловатые движения напоминают сжатую пружину, которая вот-вот ударит наотмашь, хлёстко пройдёт веником по заднице.

— М-м-м, — стонет Миша, сдерживаясь, чтобы не зареветь. Не от боли, хоть и больно, и не от жара, хоть и жарко. А от стыда, девичьего. Дядя Ваня обсуждает с мужиками девичью задницу пацана:

— С такой задницей лучше в баню не ходить, — заряжает он. — Сиськи тоже куда не

годятся, ещё немного отрастить и лифчик можно покупать.

Вокруг дяди Вани собралась толпа сочувствующих. Никто ведь не знает, что Миша и дядя Ваня не родные друг другу.

— Задницу можно приседаниями согнать, а сиськи отжиманиями, — закидывает удочку молодой спортивный парень, который одним из первых подстроился под юморок дяди Вани.

— Такое добро не надо куда сгонять. Ишь отрастил булки, — дядя Ваня двумя руками хватает ягодицы, мнёт их. Потом замахивается и шлёпает так, что звон летит. Народ ухохатывается, кто-то держит руку на боку, другой положил лоб на поручень деревянной лестницы, ведущей наверх.

Только Мише не смешно. Он красный как рак, но не от пара, а от стыда.

«Скорей бы всё это закончилось!» — молится он про себя.

Домой идут молча. Дядя Ваня в отличном настроении насвистывает Мурку.

— Ты не обижаешься на меня? — отчим даже невинный вопрос задаёт с подковыркой.

Слышно в голосе желание надругаться ещё и ещё раз над неокрепшей душой подростка.

— Нет, — мычит Миша.

— Баба тебе нужна, — с сожалением констатирует дядя Ваня.

— Зачем?

— Как зачем? — дядя Ваня останавливается, таращится на пасынка, чем приводит его в замешательство. — Может, тебе мальчики нравятся? — хитро подмигивает.

— Нет, девочки.

Они смотрят недоверчиво друг на друга.

— Мне правда девочки нравятся! — Миша дрожит от страха, сгорает от желания доказать на деле.

— Кто тебя знает, — дядя Ваня критично кривит губы. Зубочистка во рту съезжает набок.

— Ты что мне не веришь? — Миша тяжело дышит, выпучил карие коровьи глазищи.

— Не знаю, член у тебя уж больно маленький, — дядя Ваня прищуром сопровождает слова. Острый глаза пасут пасынка водянистой серостью зрачков.

— И что?

— И то. Не встанет ни хрена. Тогда лучше бабой быть, чем так. Знаешь ли...

Миша готов волосы рвать на голове. Они у него густые, длинные. То, чего он и боялся, сбывается, как страшный сон. Дядя Ваня выставил его бабой перед всей баней, теперь ещё добивает своими вопросиками.

— Он у меня стоит, — полушёпотом шипит он, захлёбываясь от возмущения.

— Что-то я сомневаюсь, — подзуживает дядя Ваня. Они идут дальше, дворами переходя от дома к дому.

— Ладно, — дядя Ваня принимает добродушный вид, когда они подходят к подъезду. — Посмотрим ещё, что мама твоя скажет.

Дома мама встречает банщиков пирогами, водочкой из морозилки, салатиками.

— Попарились? — воркует она, бежит накрывать на стол. — С лёгким паром, — кричит с кухни. — Разувайтесь, мойте руки. Сейчас будем кушать.

Нина выходит из комнаты, тянется к потолку, зеваает.

— Ну как там банька? — подмигивает брату. — Не слишком горячо?

— Нет, — бурчит под нос Миша.

За столом разговор перетекает от жаркой погоды в середине июля, к дачным делам. Наконец

очередь доходит до бани.

— Как там в бане, — спрашивает мама. — Не сильно страшно было? — смотрит с участием на сына, сдерживает улыбочку.

Миша опускает глаза, поджимает пухлые губы. Мычит:

— Нет.

— Ваня говорит, что у тебя член слишком маленький и ты стесняешься, — мама вкрадчиво смотрит на сына. Нина прыскает со смеху. Дядя Ваня ухмыляется, щупая гитару. Медленный перебор наполняет охмелевшую душу. Миша нервно сглатывает, грозно сверкает глазищами в сторону отчима.

— Это не ваше дело, — хрипит гневно, рассыпая искры из глаз по сторонам.

— Как это не наше? — дядя Ваня отрывается на секунду от гитары. — Если у тебя с девушками проблемы, мы должны знать, чтобы помочь тебе. Правильно я говорю? — обращается он к Нине.

Та хихикает, кивает:

— Конечно.

— Вот и я говорю, — продолжает дядя Ваня. — Если член короткий, то бабу так просто не трахнешь. А значит у тебя проблема, пацан.

— Ваня, — мама укоризненно смотрит на отчима.

— Что «Ваня»? — передразнивает он. — Что я не прав, скажи? — он выпячивает глаза, обводит стол по кругу.

— Прав, конечно, — мама тут же сдаётся. — Так, а что можно сделать?

— Сначала нужно выяснить, есть ли проблема, — дядя Ваня опять берётся за гитару.

— Как? — Нина с недоверием смотрит на маму с отчимом, готовая расхохотаться.

— Да очень просто, — дядя Ваня кладёт гитару, поднимается из-за стола, пошатываясь идёт к Мише. — Ну-ка встань.

— Зачем?

— Ну встань. Не бойся, — дядя Ваня добродушно улыбается, мигом усыпляет бдительность. Миша поднимается.

Двумя руками дядя Ваня резко стягивает шорты с трусами с пышных бёдер пасынка. Тот сгибается пополам, пытаясь подтянуть их, но дядя Ваня ногой наступил посередине, держит, не давая поднять.

— Пусти, — визжит Миша.

— Стой смирно, — властно приказывает дядя Ваня. — Дай на себя посмотреть. Пускай вон женщины скажут, хватит им такой длины или нет.

Миша колушается с шортами, рвёт их вверх, мама сокрушённо просит взглядом прекратить. Нина хмурится, не зная радоваться ей или соболезновать. Наконец Миша, подустав, выпрямляется. Понутив взгляд в стол, обиженно пялится на хрустальные рюмки с янтарной жидкостью. Дядя Ваня стягивает майку с пасынка. Он стоит абсолютно голый перед мамой и сестрой.

— Чего, нормальный член, — фальшь в голосе Нины настолько очевидна, что мама тяжело вздыхает.

— Ну где ж нормальный? — дядя Ваня пристально смотрит на Лидию и приёмную дочь. — Если он не сможет с таким членом бабу трахнуть, так может и не надо совсем? Может, ему лучше бабой быть? Сейчас модно такая тема.

— Член маленький ещё не значит, что он не станет большим, когда понадобится, — мама пальчиком стучит по столу. Хотелось бы прекратить балаган, но уж очень она боится перечить хахалю. Как бы не бросил.

— А вот это мы сейчас посмотрим, — дядя Ваня хватает Лидию за руку, кладёт на мохнатый пах сына. — Если встанет, значит мужик. Если нет — значит баба.

Миша холодеет от ужаса. Сильная рука дядя Ваня держит мамину ладонь на пенисе с мошонкой. Он сгорает от стыда, закрывает глаза, дышит глубоко, пытаясь успокоиться.

— Давай-ка, Лидия, поиграй с мальчиком. Посмотрим, какой он у тебя мужчина.

Мама и рада была бы отказаться, но перечить Ване страшно даже в мыслях. Она боится его до чёртиков, Ванечку-Ванюшу, уголовника со стажем, рецидивиста-мокрушника.

Тонкий пенис сына ломается в пальчиках, она тербит его как соску.

— Ну давай, Миша, не бойся, — шепчет ласково. Бросает захмелевший стеклянный взгляд на дочку. Та тоже выпила, сидит, откинувшись лениво на спинку, смотрит, как братика-забияку приучают к женским рукам.

Миша, пунцовое рака, упёрся подбородком в грудь, набычился. Купол живота закрывает мамину руку на пенисе.

— Давай, сыночек, возбудишься для мамы, — шепчет Лидия, — не стесняйся.

Дядя Ваня заглядывает вниз.

— Ни хрена не встанёт. Что за пацан, у которого член не стоит?

Он перекручивает шею, сверлит Мишу изнутри, шутка в его глазах сменяется лютым презрением.

— На маму, конечно, не встанет, — вздыхает Лидия. Она смирилась, гладит мохнатую мошонку, щекочет маникюрчиком со стразами.

— Та-а-ак, — дядя Ваня хмурится. — А на сестру встанет? — смотрит хищным взглядом на Нинку.

— Я не буду ничего такого делать! — выпячивает круглые очи.

— Хочешь, чтоб твой братик бабой стал? — голос у дяди Вани жёсткий, как наждак.

— Да ничего я не хочу! — возмущается половозрелая деваха.

— Так иди помоги! Сосать-то небось хахалям научилась, а братику не хочешь помочь.

— Правда, Нина, — Лидия смотрит на дочку молящим взглядом. — Попробуй ты, может, у тебя получится.

Нина хмыкает, облизывает нижнюю губу, вращает зрачками, хлопает ресницами. «А чёрт с ними! — думает. — Это ж рукой».

Встаёт, качаясь, пьяная. Подходит и бухается на стул перед Мишкой. Губы пересохли, пялятся на червяка.

— Как у младенца, — знает, как братика подколоть. Коварный взгляд вверх, и вот он Мишкин позор. Она его щупает, а он хоть бы хны.

— Ну что, Миша, хорошо тебе? — обращается сестра к брату. — Нравится так? — входит во вкус, тербит сильнее. Сгоняет крайнюю плоть, оголяя миниатюрную лиловую головку.

Миша молчит, закрывает глаза. Кровь, прилившая к лицу, разгоняется по ушам, расплывается теплом по низу живота. Сестра знает, как обращаться с мужчиной. К двадцати годам она уже двадцать мужиков сменила. Мама кладёт руку на мошонку, пока Нинка работает пальчиками. У мамы тоже опыта боевого выше крыше. Одних абортот пять штук сделала, да все от разных мужиков.

Наконец в нём просыпается мужское достоинство, он твердеет. Петушок задирается, торчит пальчиком.

— О! — смеётся Нина. — Дальше продолжать? — поднимает глаза к отчиму.

— Дальше сам закончишь, — дядя Ваня суров. — Если не баба. Иди к себе.

Миша подтягивает шорты, выскакивает в коридор.